

ЧТО,
ЕСЛИ
?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Юлия Сидорова

18+

Юлия Александровна Сидорова

Что, если?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70252423

SelfPub; 2024

Аннотация

Каждый из нас время от времени задает себе этот вопрос: «А что, если...?» Что, если бы я был чуть увереннее и смелее, если бы позволял себе больше, а переживал – меньше? Что, если бы тогда я поступил иначе? В этой книге – тринадцать рассказов, каждый из которых приглашает читателя к размышлениям о сокровенном. Тринадцать историй – житейских, местами фантастических, забавных и грустных.

Содержание

История первая. Ты у себя есть	4
История вторая. Бракованная Вера	17
История третья. Все рыбы ненавидят Стаса	30
История четвёртая. Семь «после»	46
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юлия Сидорова

Что, если?

История первая. Ты у себя есть

Любить себя совсем несложно
сначала только похудеть
пресс накачать и замуж выйти
ещё бы голову сменить

Розовый закатный свет мягко заливал полупустую кухню. Теплый, согревающий, он подбадривал: ничего, сегодня не получилось, но завтра, завтра непременно получится. Всё будет хорошо.

Она сидела за столом и тихо-тихо говорила:

– Знаешь, жаль, что нельзя полюбить себя больше всех на свете. Что тебе всегда нужен кто-то ещё, кто-то другой, кому ты отдашь свою любовь. А ведь было бы так прекрасно. Только подумай, какой чудесной бы стала жизнь! Вот как ты стараешься ради улыбки, ради одобрения другого человека – так же стараешься и для себя. Достоешь к столу лучшие чашки из тонкого фарфора, даже если завтракаешь один. Думаешь: чем бы таким мне себя порадовать сегодня? Может, сходить в кино, прогуляться по парку неспеша или даже уйти с работы на часок пораньше? Заботаешься о себе, выбираешь

для себя только самое лучшее. Как же я завидую людям, которые так могут. Я к тому, что любовь к себе – она ведь самая стабильная, самая честная. Ты всегда у себя будешь. Ты – единственный человек, с которым ты рождаешься и умираешь, переживаешь все несчастья, все трудности, горести и радости. Ну как, заслуживает такой человек уважения, безоговорочного принятия, любви? Неужели я не права?

*

Мальчик из квартиры напротив раскладывал фантики. В две кучки. Прямо на лестничном пролете. Казалось, содержимое пестрых оберток его мало интересовало – шоколадные и карамельные батончики приземлялись поодаль, на пол. Она заметила его, когда поднималась по лестнице:

– Привет, чем это ты тут таким занимаешься?

– Сортирую, – ответил мальчик, не останавливаясь и не поднимая головы.

Она присела рядом на корточки:

– Меня зовут Веста. А тебя? В детстве я тоже любила собирать красивые фантики.

Мальчик, не прекращая разворачивать обертки, внимательно посмотрел на неё, будто оценивая, можно ли доверить этой бледной приветливой девушке важную тайну. Похоже, решил, что можно:

– Я – Мирон. И это не фантики, а валюта. Самые ценные – красные и желтые. Когда я накоплю побольше, хотя бы три мешка, то куплю себе большой дом с попугаем.

Веста пожала плечами – мало ли что придумают дети. Она зашла домой и, пошарив в ящиках на кухне, вынесла мальчику горстку конфет с парой желтых и красных оберток.

– А почему желтые и красные самые ценные?

– Это цвета солнца. Я хочу дом в стране вечного лета – там цвета солнца ценятся больше всего.

Веста снова пожала плечами – мало ли, что услышит маленький мальчик в обрывках разговоров взрослых людей. Может, они сказали, что его хомячок ушел в страну вечного лета и теперь, не понимая толком, о чем речь, мальчик тоже засобирился в гости к своему питомцу.

– Хочешь, я помогу тебе разворачивать конфеты? – спросила она. – Могу даже съесть парочку, если ты не против.

Мальчик кивнул. Так они подружились.

Через пару дней он раскладывал речные камни в два мешочка. Те, что идеально ровные и круглые, очень высоко ценятся в стране вечного лета. Они тоже напоминают солнце. Ими можно будет расплатиться с работниками, которые станут следить за его домом и садом. Мирон не очень-то сильный, поэтому вряд ли справится с газонокосилкой или стремянкой, понадобится помощь. Мама и папа не смогут ему помочь – они в страну вечного лета не хотят.

Веста даже не стала пожимать плечами – мало ли, какими бывают отношения в семье.

Ещё через пару дней она встретила на лестничной клетке маму мальчика. Веста видела её раньше, но теперь решила

заговорить.

– Здравствуйте! – приветливо улыбнулась она. – Меня зовут Веста. Я недавно переехала в ваш дом и пока почти никого не знаю, зато уже познакомилась с вашим сыном, Мироном. Какой у вас чудесный ребенок!

По лицу мамы пробежала тень – легкая, едва заметная, она сменилась печально-доброй улыбкой:

– Очень приятно, Веста. Меня зовут Наташа. Заходите к нам как-нибудь на чай. Мирон обрадуется.

И тогда, ещё через пару дней, Веста узнала, что у маленького мальчика в голове есть маленькая опухоль. Она уже пустила свои злобные корни и никак не хотела оставлять его в покое. Каждый день приближал мальчика к стране вечного лета.

*

Она всегда чувствовала его появление. Даже если не видела, как он входит в комнату. Даже если стояла, развернувшись спиной к дверному проему и делала вид, что очень увлечена разговором с подругами. По телу пробегал электрический импульс, дыхание замирало, а сердце вдруг начинало быстро-быстро скакать в груди – значит, он где-то рядом. Она нарочито громко смеялась и улыбалась: ей хотелось казаться самой счастливой, самой доброй и задорной девушкой на свете. В тот момент она действительно была самой счастливой.

«Если когда-нибудь мы расстанемся, если мы не будем

вместе, – решила Веста, – я посвящу всю свою жизнь служению. Я буду помогать бездомным животным, больным людям. Буду деятельной, буду заботливой и сильной. Но я никогда, никогда не смогу отдать свою любовь другому мужчине».

– У людей с холодными руками горячее сердце, – зачем-то повторял он, когда брал её ледяные пальцы в свои ладони и безуспешно пытался их согреть.

– Не бойся, ты всё делаешь правильно, – говорил он, когда она в очередной раз сомневалась в себе. Да, в конечном итоге её поступки могли оказаться сущей глупостью, но ведь это так важно – вовремя услышать, что ты всё делаешь правильно.

Ей никогда не надоедало разговаривать с ним – даже спустя десятилетие, даже в самые мрачные дни. Бывало, она садилась за стол, нервно закуривала сигарету и начинала долго-долго говорить, глядя в одну точку.

– Знаешь, у мамы совсем всё плохо. Она была такой сильной, такой красивой и энергичной. А теперь – ноги-спички. Она едва на них держится, колышется из стороны в сторону, как на ветру. Понимаешь, я не знаю, как она на них держится! Откуда у неё силы, чтобы открывать глаза каждое утро и идти на уколы, цепляясь за стены. Как бы я хотела забрать себе хотя бы часть её боли, хоть кусочек, чтобы ей стало легче.

Он всегда умел выслушать, умел помолчать, а потом про-

сто сказать что-нибудь ободряющее. Пара слов, от которых становилось легче.

Однажды – чуть рассвело – они сидели на лавочке у многоэтажек и пили чай. Прямо из чайного сервиза – красивых пиал из тонкого фарфора. Люди собирались на работу, выходили из своих подъездов и мрачно на них косились – странную парочку в домашних тапках, которой вздумалось гонять чай на лавочке возле дома в шесть утра.

Это так здорово и так важно: иметь рядом с собой человека, который вот так, без всяких вопросов, просто придет к тебе на лавочку в шесть утра. Человека, в шею которого можно уткнуться носом и молча сидеть, ни о чем не думая. Его ресницы будут щекотать твои щеки, вы будете хохотать до слез. Будете мечтать о море и маленьком садике с качелями в тени раскинувшихся деревьев: как хорошо будет пить там чай по утрам и просто смеяться!

– Неужели всё и правда так сложно? – как-то спросил он, глядя, как она отмеряет шагами комнату и беспрерывно листает страницы учебника.

Она и правда всегда придавала большое значение разным мелочам: вызубривала без запинки билеты, то и дело расчесывала волосы, смотрелась в зеркало, подолгу подбирала слова. В тот день они бросили всё и поехали в парк с аттракционами – лучший день её двадцатого лета. А, может, и всех последующих лет.

Да, она придавала слишком большое значение мелочам,

любила накручивать, выдумывать всякое. Например, что он любит её так же беспросветно и бережно. Что он тоже чувствует её боль и горе, её радость и ликование. Даже на расстоянии. Но в его жизни всё было проще.

Это только в романах красивые истории любви заканчиваются пафосно и трагично. Влюбленных разлучает смерть, война, интриги, километры расстояний. А он просто сказал ей однажды: «Это наш последний вечер вместе». И всё закончилось.

*

Фантики так и лежали в углу, у кровати. Мальчик знал, что скоро они понадобятся. Ему удалось набрать три мешка, не съев ни одной конфеты – в последнее время есть совсем не хотелось. В июле, в самую знойную жару, в спальне мальчика, который так любил лето, было прохладно – то ли от того, что мама занавешивала окна, то ли от того, что в комнате всё время дежурила смерть.

Веста принесла ему кусочек яркого лета – попугая с красными и желтыми пятнами. Они назвали его Гелей – в честь греческого бога солнца. Собеседник из птицы был неважный, та выучила всего пару слов и рандомно повторяла их. Но мальчик знал, что она его понимает.

– Геля, ты любишь лето?

– Люблю.

– Что ты любишь больше всего?

– Солнышко.

– На что похожа страна вечного лета?

– Персик.

Каждый день, после работы, Веста приходила в гости к мальчику и каждый раз её дыхание перехватывало – в комнате был кто-то ещё. Кто-то невидимый витал над его кроватью, рисовал на лице тени, проводил по нему ледяной ладонью, и с полупрозрачной кожи сбегала краска.

– Мне всё время холодно, – тихо жаловался Мирон. – Почему нельзя открыть шторы?

– Твоя мама говорит, что от света у тебя начинаются головные боли и тошнота.

– Ну и пусть, – повторял Мироша, сильнее укутываясь в облако одеял. – Я так устал. Я хочу в страну вечного лета. Там жара и всегда светит солнце.

Тогда Веста брала его руки в свои и грела. Даже её вечно холодные пальцы были теплее этих маленьких ладоней.

– Мне когда-то говорили, что у людей с холодными руками горячее сердце, – вспомнила она и грустно улыбнулась. – Знаешь, мне кажется, у тебя самое доброе, самое храброе и горячее сердце.

Так странно: всю жизнь ты учишься терять людей, принимать и отпускать. И вот, когда кажется, что урок уже пройден, выучен и повторен с десятков раз, ты снова молча сидишь у кровати, не зная, что сказать. Любые слова кажутся фальшивыми, если тебе хочется удержать того, кто собрался уходить.

– Мама больше не хочет говорить про страну вечного лета, – мальчик смотрел виновато, словно извинялся за то, что причиняет взрослым столько неудобств, – она начинает плакать и уходит на кухню. Как ты думаешь, там празднуют дни рождения? Я родился в октябре. Но, если там вечное лето, значит, и октября нет?

– Знаешь, я думаю, ты сможешь выбрать любую дату, любой день, который тебе больше всего нравится, и назвать его своим днем рождения. Ведь люди в другой стране даже не знают, когда ты родился, верно? Мне кажется, там все так делают.

– Здорово. Тогда я буду отмечать день рождения в июне. Это мой любимый месяц, – маленький мальчик с большим храбрым сердцем улыбнулся. – Жаль, что мама не сможет меня поздравить.

Веста вздохнула – она часто вздыхала так в те дни, когда уходила её мать. Так вздыхают люди, которые не ждут помощи. Они всё поняли и смирились и лишь хотят облегчить боль того, кого любят.

– Твоя мама обязательно придумает, как тебя поздравить. Ты когда-нибудь был в церкви? – Мирон кивнул, внимательно слушая. – Это что-то вроде приемной Бога. Люди приходят туда, ставят свечи и отправляют послания в страну вечного лета. Тепло свечи доходит до её обитателей.

Мальчик, укутанный облаком одеял, прикрыл глаза – теперь он всё чаще засыпал и дремал посреди разговора. Веста

почти не сомневалась, что сейчас ему снится страна вечного лета.

*

Пройдут годы, а она всё также отчетливо будет помнить, как он бесшумно закрыл её дверь. Это был их последний вечер вместе. Тогда Веста, обессилив, спустилась по стенке и просидела неподвижно несколько часов. Ей уже случалось терять любимых. Прабабушка. Дедушка. Старый пес, для которого она заботливо размачивала хлеб и кормила с рук. Они уходили и забирали с собой кусочек её сердца. На сколько таких кусочков можно раздробить его без последствий?

В первые месяцы она писала ему письма. Само собой, они лежали в верхнем ящике стола и никогда не доходили до адресата.

«Оказывается, это так сложно: осознать, что всё закончилось. Одно дело смерть. Это в семь лет я пыталась растряссти и отпоить Берта, когда пришла из школы и увидела его хвостик за батареей. Потом до меня дошло, что смерть подводит окончательную красную черту. Её уж точно никак не повернешь назад и не обыграешь.

А тут ещё теплится надежда: что ты одумаешься, всё поймешь, снова придешь выпить чаю или напишешь «люблю» перед сном. Я то ненавижу тебя, то клянусь вернуть, то обхожу твой дом стороной, то нарочно замедляю шаг, когда оказываюсь рядом. Я даже не знаю, там ли ты ещё или уже уехал, бросил учебу или всё ещё читаешь билеты в коридоре

перед зачетом. Вообще мне достаточно того, что ты где-то есть. Что ты дышишь, ходишь, улыбаешься, разговариваешь и, может быть, счастлив. Однажды я даже смогу за тебя искренне порадоваться».

Через год она сменила телефон, убрала все фотографии и сожгла письма. Только оставила один коротенький клочок бумаги:

«Вот этого я хочу: чтобы мне с самой собой было также хорошо, как с тобой. Чтобы я не нуждалась в ком-то, а сама по себе была цельной».

Конечно, он не был виноват. В его жизни всё всегда было проще. Он-то как раз и был цельным – не нуждался в ней, а просто брал то, что хотелось. Он не виноват, что полюбил другую. Не виноват, что его чувство к ней оказалось не таким сильным. Откуда ему знать, что, даже спустя десять лет, в самые мрачные дни, она садилась за стол, нервно закуривала сигарету, и долго-долго разговаривала с ним?

– Мамы не стало в среду. Я пока так и не могу осознать, что случилось. Даже не хочу об этом думать. Только, знаешь, мне теперь стало спокойнее, что она больше не страдает. Хорошо, что она не смотрелась в зеркало в последние дни – она бы очень расстроилась. Ведь она всегда была такой красивой, такой летящей и свежей. Годы совсем её не испортили, а вот болезнь постаралась.

И ей становилось немного легче.

В конце концов, люди могут оставить нас, но они всегда

будут рядом, пока мы этого хотим. Они проскальзывают в словах, поступках, мыслях, навещают в воспоминаниях и во снах.

Мальчик из страны вечного лета встретился ей в октябре.

Два месяца назад родители вынесли из его комнаты все камешки и фантики, отдали Весте немногословную Гелю и уехали из этого дома, чтобы больше никогда не вернуться.

– Принеси мне желтые астры, – попросил мальчик и протянул ей пару красных фантиков. – Оказалось, они здесь ни к чему, но я всё равно храню на всякий случай. Здесь тепло, а ещё все вокруг улыбаются.

Веста проснулась и протерла влажные веки.

Мальчик, сам того не зная, кое-чему её научил: в страну вечного лета ты уходишь один. Даже если рядом есть люди, которые тебя любят и не хотят отпускать. Ты тоже любишь их, поэтому не возьмешь с собой. Ты возьмешь только себя. Ты – это всё, что у тебя останется в конечном итоге.

Чашки из тонкого фарфора дожидались её на столе. Это так глупо: всё время искать кого-то, кто придет к тебе на лавочку в шесть утра, чтобы выпить чаю из фамильного сервиза. А что, если так и не придет? А что, если фарфор даст трещину?

– Удивительно, сколько любви может вместить в себя сердце одного человека. Родители, мужчины, дети, друзья, родина, природа, животные. Вся эта жизнь, весь этот мир могут уместиться в одном маленьком сердце. А на себя его

вечно не хватает, – она задумчиво провела рукой по тонкой ручке и краям белоснежной чаши. – И всё-таки я научилась. Научилась отпускать. Отпустить – не значит забыть. Это значит освободить внутри немного места. И теперь у меня есть место для себя.

Попугай на жердочке согласно закивал своей желтой головой:

– Люблю!

*

Что, если лучший день для чашек из тонкого фарфора – сегодня?

История вторая. Бракованная Вера

А в черной книжечке Олега
есть список из таких людей
что всюду раздают советы
хотя никто их не спросил

Инструкцию к Вере выдали бракованную. А, может, девочка и сама была не исправна. Она всё никак не могла включиться.

Родители то и дело вздыхали:

– Наша Верочка не включается. Ей уже семь, а она до сих пор не завела друзей и почти не разговаривает. Мы уже и смазывали, как полагается, и перезагружали – всё по инструкции. Даже в сервисный центр возили.

– А они что? – интересовались сочувствующие знакомые.

– Говорят, может, инструкцию не ту положили. Говорят, может, нам модель попалась несоциальная. Такое тоже случается.

– Это заводской брак? – взволнованным шепотом уточняли друзья семьи.

Родители снова вздыхали и разочарованно качали головой:

– Нет. Просто бывают партии с поздно включающимися социальными навыками. У них есть другие достоинства:

быстрая обучаемость, богатая фантазия, творческие способности. Надо просто подождать. Но, если не помочь, навыки могут так и не включиться.

После этого обычно поднимался рой тревожных голосов. Бедные родители! Как же помочь Верочке? Ну в самом деле, не обменивать же ребенка только из-за того, что у него задержки в социальном развитии!

Вера в это время сидела в комнате и тихонько жаловалась коту:

– Не пойму, что со мной не так. Мама твердит, что у меня не включаются какие-то навыки. Папа постоянно ругается. Иди гулять на улицу, говорит, заводи друзей. А зачем мне куда-то идти? У меня есть ты, у меня есть книги. Дома тепло и тихо, а на улице все кричат и кидаются землей. Вот скажи, тебе бы такое понравилось?

Кот отрицательно мотал головой – нет, ему такое совсем не понравилось бы.

Он уже имел печальный опыт знакомства с местной детворой. Однажды, когда родители в очередной раз выгоняли Верочку на улицу «дружить», кот решил составить ей компанию. Деток это не устроило: то ли он смотрел на них чересчур высокомерно, то ли они просто недолюбливали бракованную Верочку, а заодно и всё, что с ней связано.

Она закрыла кота своей хрупкой спиной, но один из комков грязи всё равно прилетел по усатой мордочке. А потом они увидели их: самого крепкого мальчика во дворе с изде-

вательской ухмылкой и слюнявую бойцовскую псину, прямо под стать мальчику. Вера побежала к ближайшему подъезду и стала дрожащей рукой набирать номера квартир. Там, в чужом подъезде, они просидели и проплакали два часа, пока родители не отыскивали девочку.

– А вот если бы у тебя были друзья, другие дети побоялись бы тебя обижать, – наставляли Веру родители после. – Теперь нам, конечно, придется разговаривать с другими родителями, чтобы они вразумили своих дикарей. Почему ты не облила их в ответ из лужи?

Верочка молчала. Комки грязи – это ещё ничего. Это не камнем по голове. А ей приходилось терпеть всякое.

– Не переживай, – мурчал кот вечером, свернувшись калачом у её головы, – ничего они не понимают, Вера. Ты – настоящий друг. Ты не бросила меня одного, не испугалась этой слюнявой псины.

Вера часто утыкалась носом в мягкую шерстку – хорошо, когда у тебя есть такой, хоть и маленький, но понимающий и добрый друг.

*

Шли дни, недели и месяцы, а Верочка всё никак не хотела включаться и социализироваться. Она только чаще болела и пропускала занятия в школе. А в один день совсем отказалась выходить из комнаты. Точнее, просто не смогла встать с кровати.

– Может, ей надо отдохнуть? – встревоженно спросила ма-

ма, глядя на белую как мел дочку. Кот дремал рядом с ней, оббив воротником маленькие детские плечи.

– Какое «отдохнуть»? – разгорячился отец. – Она всего семь лет в эксплуатации! В этом возрасте только бегать да гулять!

Вера и сама не могла понять, почему так ослабла – её веки с трудом поднимались, а сил едва хватало на то, чтобы помять теплую кошачью спинку.

Вызвали врачей. Они задумчиво посмотрели на Веру, почесали затылки. Смерили давление и температуру, пощупали живот, посветили в горло.

– Это не гарантийный случай, – развели они руками. – Держите бутылек «антистрессина». Если не поможет – только перепрошивка.

И тогда белые халаты объяснили, что перепрошивание вернет Веру к заводским настройкам. Это не гарантирует результат, но помогает в 80% случаев. Из неприятных побочных эффектов – высокая вероятность удаления всех индивидуальных черт и особенностей характера. Но, может, оно и к лучшему? Дети после перепрошивки – чистый лист, на котором можно записать все необходимые мысли и качества.

Мама поблагодарила врачей, взяла бутылек и удалилась на кухню пошептаться с папой. Белые халаты тоже удалились, оставив брошюрку о перепрошивке на комод в прихожей.

Вера очень боялась, что родители согласятся её перепро-

шить. А вдруг она станет такой же противной, как её одноклассники? Вдруг она тоже начнет кидаться землей в ни в чем не повинных маленьких девочек и пушистых усатых котов? Пришлось напрячь все силы и поправиться – в школе, может, и плохо, зато там никого не перепрошивают при первой же возможности.

В классе Веру не любили почти также, как во дворе. Может, от того, что она постоянно тянула вверх руку и знала ответ на любой вопрос. А, может, дети просто чувствовали, что девочка бракованная. Так что, когда Вера выходила к доске решать примеры или читать стихотворение, в неё летели скомканные бумажки. Хорошо, что у одноклассников не было под рукой комков грязи.

– Мама, а можно я буду учиться дома? – иногда тихо спрашивала Вера после очередного блестящего сочинения, которое ставили в пример её и без того взбешенным одноклассникам.

Мама закусывала губу и моментально становилась отрешенно-суровой: переводить Верочку на домашнее обучение ни в коем случае нельзя! Иначе социальные навыки у девочки так никогда и не включатся, иначе она навсегда останется изгоем.

Так что Вера день за днем собирала портфель, заплетала две жиденькие косички, чмокала кота в ушко и понуро шагала социализироваться. В один из таких дней она и встретила в школьном палисаднике её. Обычно здесь, на тропин-

ке, Веру подждал кто-нибудь из особенно глумливых одноклассников, чтобы поупражняться в издевках перед началом нового учебного дня.

– Привет! – улыбнувшись, помахала ей незнакомая девочка и преградила узкую тропинку.

– Привет, – тихим эхом откликнулась Вера, гадая, каких выпадов ждать от внезапно появившейся на её пути школьницы.

– Меня зовут Надя. А ты – Вера, правильно? – продолжала девочка.

– Правильно, – всё ещё боязливо и встревоженно подтвердила Верочка.

Надя сделала шаг навстречу – в приступе паники Вера отскочила назад. Она привыкла, что дети сразу переходят к оскорблениям и нападкам, так что приветливость незнакомой девочки испугала её больше обычного.

– Не бойся, – снова улыбнулась Надя, – я не буду над тобой издеваться. Я такая же, как ты.

– Бракованная? – подумав с минуту, уточнила Вера.

– Особенная, – поправила её девочка.

Её большие карие глаза светились добротой и заботой – кажется, она и в самом деле не собиралась обижать Веру.

– Ну, ещё увидимся, – и, махнув рукой, девочка побежала в сторону школы.

В следующий раз Надя отыскивала Веру на большой перемене – она пряталась под лестницей, чтобы случайно не столк-

нуться с кем-нибудь из одноклассников. Оказалось, Надя только-только переехала и теперь будет учиться в параллельном классе. Она сразу заметила Веру в библиотеке – там, по своему обыкновению, девочка скрывалась от одноклассников и готовилась к урокам.

– Зря ты подошла ко мне, – решила предупредить её Верочка, пока не поздно. – Если тебя заметят рядом со мной, над тобой тоже будут издеваться. Я – изгой.

– Я тоже, – беззаботно подтвердила Надя. – Но пусть только попробуют! Я их не боюсь.

Надя знала, о чем говорила: в первый день в новом классе она получила пятерки по всем предметам. Толя – двоечник на последней парте сразу же решил отметить это дело, кинув в неё мокрой тряпкой. Тогда Надя взяла ведро, в котором тряпка замачивалась и, не моргнув, окатила Толю грязной водой. Тут-то одноклассники сообразили, что с новенькой лучше не связываться – мало ли, что ещё она выкинет, припадочная.

Вера искренне восхитилась Надиной отвагой: самой бы ей в жизни не хватило духу так храбро противостоять обидчикам.

– Мы должны держаться вместе, – наставляла Надя. – Мы не такие как они, но это не значит, что мы хуже.

Странно – эта мысль никогда не приходила Вере в голову.

*

Дома у Нади пахло жареными пирожками. Вера так и за-

мерла на входе, втягивая носом непривычные ароматы. Сама Вера, сколько себя помнила, питалась исключительно здоровой полезной пищей. Мама настаивала: правильное питание – залог нормального взросления и социализации Веры. Как будто она сможет отбиться от нападков одноклассников с помощью брокколи или листьев салата.

– Какое у тебя красивое платье! – с порога испугала Веру женщина в цветастом фартуке.

– Не бойся, это моя мама. Она добрая, – шепнула Надя.

Девочки помыли руки и прошли на кухню.

– Любовь! – представилась Надина мама и рассмеялась, чем ещё больше озадачила Верочку: у них в доме хохотать без веской на то причины считалось дурным тоном.

– Ну, как успехи в школе? Всем двоечникам показали мастер-класс? – задорно спрашивала мама Люба, расставляя тарелки и пританцовывая.

В числе прочего на столе оказался розовый зефир, шоколадные конфеты и полосатый рулет – столько сладостей разом Вера видела только в магазине. Её мама отчего-то была обижена на пищевые красители, будто это розовые зефирные шапки виноваты в том, что дочка росла тихой и неразговорчивой.

Всё в Надином доме пело, кружилось и приплясывало: даже корешки книг на полках, казалось, подпрыгивают от нетерпения и вот-вот плюхнутся прямо в руки.

Они уже сели обедать, когда пришел Надин папа – уста-

лый статный мужчина в строгом костюме. «Ну вот. Уж он-то сейчас мигом вычислит, что я неправильная, и выставит вон, чтоб не испортила его дочь», – печально подумала Вера. Но папа только чмокнул в щеки своих девочек, сообщил, что перехватит чего-нибудь быстренько, и снова на работу.

– А ты, должно быть, Вера, – похлопал он по плечу вжавшуюся в стул Верочку. – Надя много про тебя рассказывала. Говорит, ты пишешь стихи и здорово рисуешь котов.

– Да, наверное, – растерянно подтвердила Вера. Она не привыкла, чтобы взрослые интересовались её творческими успехами. Обычно их вопросы сводились к тому, завела ли Вера друзей и не хочет ли она пойти в театральную школу, чтобы стать более раскованной. Вера, конечно, не хотела – хватит с неё издевательств и в обычной школе.

– Как хорошо, что вы нашли друг друга, – широко улыбнулась мама Люба. – Такие талантливые, такие одаренные дети часто не могут найти себе компанию среди сверстников.

Вера тихо прихлебывала суп и пыталась спрятать улыбку: редко когда услышишь столько комплиментов в свой адрес, даже не перейдя ко второму блюду. В последний раз родители так живо обсуждали Верины успехи, когда она пересилила себя и выступила-таки на школьном конкурсе чтецов (всю последующую неделю одноклассники кидались в неё булками и хлебными крошками в столовой).

В Надиной комнате тоже было уютно: на стенах висели грамоты, на полках стояли книги и улыбочивые фотографии.

Видно, девочка проводила здесь много времени. Интересно, выгоняли ли её «дружить» на улицу, как Веру?

– Скажи, а как ты поняла, что ты... особенная? – спросила Вера, рассматривая фотографию, на которой папа Нади кружил её на качелях.

Надя пожала плечами:

– Мама всегда так говорила. Что я не такая, как все. Что я очень умная, и другие дети могут злиться из-за этого. Но боятся нельзя – иначе они почувствуют, станут нападать ещё чаще и сильнее.

– А перепрошить тебя никогда не предлагали? – поинтересовалась Вера, сияясь представить свою маму пританцовывающей и раздающей зефирки без всякого повода. Вышло не очень.

– Нет. Но, по-моему, это что-то не очень хорошее, верно?

– Не очень, – кивнула Вера и дала себе слово никогда не соглашаться на перепрошивку. Даже если из-за этого придется всю жизнь питаться исключительно брокколи.

*

Мама Люба не всегда была такой доброй и заботливой. Она даже мамой Любой была не с самого начала, чего уж там. Сперва – маленькой испуганной девочкой.

– Хочешь, расскажу одну историю? – как-то спросила она у Верочки.

Вера согласно закивала головой, и они с Надей пододвинули стулья поближе: слушать истории мамы Любы – одно

удовольствие!

Все «бракованные» мальчики и девочки доставляют хлопоты своим родителям. Но не все родители хотят возиться с ними. Мама Люба – тогда просто Любочка – узнала об этом очень рано. Не успела она выучиться читать, как попала в дом для бракованных деток.

И, как полагается в таких ситуациях, она долго-долго плакала, а потом стала злиться. Девочки и мальчики рядом с ней мало отличались от тех, что она видела за стенами дома. Некоторые из них были угрюмыми и молчаливыми, другие – злыми и активными, как Любочка, находились добрые и глупые. Все они были разными, в чем-то странными, в чем-то банальными. Общим было лишь то, что родители не захотели с ними возиться.

Эта несправедливость душила Любочку – она поочередно злилась на себя, на родителей, на бракованных мальчиков и девочек, снова на себя. Злобы и обиды хватило Любочке, чтобы вырасти, окрепнуть, выучиться и найти работу.

– А когда же вы поняли, что вы особенная, уникальная, а не бракованная? – насторожилась Вера. Девочка из рассказа ну совсем не походила на нынешнюю маму Любу.

– Я ведь этого так и не поняла, Вера. Просто увидела.

В те года, когда мама Люба грустила и плакала, а потом злилась и плакала, она уже знала, что однажды у неё появится такой же маленький мальчик или девочка, как она. И, конечно, Люба никогда не отдаст их в дом для бракованных

малышей. «Я буду воспитывать их, как обычных детей, я буду говорить им, что они особенные, не такие, как все, храбрые, умные, талантливые», – обещала себе мама Люба.

А потом она и в самом деле стала мамой, в жизни её появилась Надежда. Любочка сдержала обещание – не давала малышку в обиду. Девочка тихонько росла, и в один момент она увидела, что дочка у неё и правда не такая, как все. Не «бракованная», с мало развитыми социальными навыками, а такая умная и глубокая. Она прочитала это в её глазах. Ещё до того, как Надя смогла выговорить первое слово.

И тогда-то Люба поняла, что бракованными могут быть родители, а вовсе не маленькие девочки и мальчики.

– Я бы тоже хотела убедиться, что я особенная, – вздохнула Вера. Мама Люба красиво говорила, но история была уж слишком мудреной.

– Вера, просто поверь мне. А потом придет день, и ты сама всё увидишь, – мама Люба обняла двух маленьких девочек. – Есть такое чувство, которое помогает в этом убедиться.

*

– У Верочки наконец-то появилась подруга, – шептала мама на кухне, промакивая глаза салфеткой. – Не бог весть какая, не самая бойкая, конечно. Но ведь главное, что она начала социализироваться. А мы уж, грешным делом, подумывали о перепрошивке.

– Какие вы молодцы! – одобрительно кивали головой мамыны знакомые. – Какую большую работу вы проделали!

– Да, ведь, если б мы не проявляли упорства, социальные навыки Веры могли бы так никогда и не включиться, – мама энергично мотала головой, отгоняя страшное видение. – Хорошо, что отец выгонял её на улицу, даже когда она сопротивлялась.

– А перепрошивку можно сделать в любом возрасте? – на всякий случай уточняли друзья семьи. Чисто для справки – вдруг их дети однажды тоже перестанут включаться.

Вера в это время сидела в комнате и обнимала своего кота:

– Ты был прав, ничего они не понимают. Хорошо, что теперь у меня есть целых два друга, с которыми я могу говорить обо всем на свете. Нет, даже три. Маму Любу тоже считаем.

Кот согласно урчал, подставляя Вере пушистую грудку. Уж он-то всегда знал, что «бракованной» была вовсе не Вера, а громила-мальчик с его слюнявой бойцовской псиной на поводке.

В чем же был секрет чудесного «исцеления» девочки? Может, в розовых зефирных шапках, съеденных тайком от мамы? Может, в первом друге, выросшем прямо перед ней на узкой тропинке школьного палисадника? Может, потому что нашелся человек, объяснивший, что она ничем не хуже других?

Так Любовь помогла Вере и Надежде.

*

Что, если тебе можно быть не таким, как все?

История третья. Все рыбы ненавидят Стаса

Олег загадывает Катю
а Кате нравится Роман
к Олегу сильно тянет Рому
и чье желанье исполнять?

Вот так бывает: загадываешь желание, формулируешь намерение. Прямо по всем правилам: и без отрицательных конструкций, и в позитивном ключе. Прописываешь нюансы, чтоб потом не оказалось, что у принца на белом коне больше интереса к коням, чем к тебе. Сроки исполнения тоже указываешь. А оно всё как-то не ладится, не склеивается. Что ж ты будешь делать!

Да ладно, вы серьезно не понимаете, в чем дело? Хорошо, тогда давайте обратимся к вашей темной стороне напрямую.

Алена, счастливая мамочка маленького ангелочка.
Ух, уснула наконец! Господи, как же всё за-дол-ба-ло! Ребят, у меня минут тридцать, не больше. Потом по-любому снова разбудят, ага. Не этот маленький дьявол, так его отец в сортир попрется. Так что я пар быстренько выпущу, а потом дальше бодрствовать. Боже, как она меня подавляет, ну прямо жизни никакой нет! Ну ничего, ничего, от меня не убежишь!

Эля, тренирует силу намерения с шести лет. А моя сегодня что учудила! Говорит: «Блиин, вот колготки новые надена – стопудово зацеплю где-нибудь». И что? Пожалуй-ста! Ещё утреннего кофе не допили, а уже можно выкидывать. Я всё пытаюсь достучаться: «Подруга, але, давай поаккуратнее со своими запросами, а то я ж натренированная, мигом всё сделаем. Может, чего попозитивнее нажелаешь себе?» И тут сразу пыл-то убавляется. Автобус чтоб быстрее пришел – это можно. С работы пораньше отпустили – так тоже бывает. Ну максимум билеты на концерт выиграть – вроде и такое случается. А дальше – ни-ни.

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. Нет, я так больше не могу, господа. Я ведь перед тем, как до вас добраться, битый час, считай, переваривал всю ту кашу, что он в меня сегодня навалил. Начитается на ночь википедии, посмотрится документалок, а ты потом расхлебывай. Нет, я понимаю, что это моя прямая обязанность. Но у всех, смотрю, тут личные дела, проблемы и бла бла бла. И только у меня разброс от австралийской армии, воющей со страусами Эму в 1932 году, до словарного запаса семейства кошачьих. От двадцати до пятидесяти слов различать могут, между прочим. Ой, ладно – утилизирую эту информацию как ненужную. Считает себя самым умным. Вот так и заявляет: «Я, господа, вхожу в 1 % самых умных людей в мире». Батюшки!

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. Мать вашу, где я? Как я здесь оказалась?! Уфффф...

Спокойно, спокойно. Это трындец, товарищи! Вы понимаете, она меня и здесь пытается контролировать! Шагу не могу ступить, нигде не спрятаться. Она же прямо сейчас за мной следит, не отключается.

Стас, боится рыбьей чешуи. Так. Нам тут перебежчики не нужны! Давай-ка либо подавляй свою сознательную сущность, либо проваливай.

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. Друзья, пожалейте! Я кое-как смогла её усыпить, у неё ж бессонница. Три часа билась! А она, зараза, до конца никак не отрубится, всё ей надо контролировать. Ну и как я вообще должна работать?

Эля, тренирует силу намерения с шести лет. Дааа, дела... Успокоительные пробовали?

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. Да чего только не пробовали! Даже к бабкам ходили, но с такой эффект плацебо не прокатит. Тут, понимаете, и ОКР, и ГТР. От нас уже три психотерапевта отказались!

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Давайте не будем забывать о наших непосредственных задачах. Мы хоть и бессознательные части личности, но ответственные. Каждый должен успеть выговориться. Я вообще без понятия, что мне делать: хочет выйти замуж в этом году! Вот прямо каждый день долбит и долбит, карты желаний делает, ритуалы в полнолуние проводит, свечи красные по всему дому расставила. Трусы на люстру то-

же, разумеется, закинула. Астролог ей, видите ли, сказала, что в этом году попрет у неё. Мужик на пороге уже, как пить дать. А она из дому-то не выходит, хоть насильно тащи. Да ладно из дома – даже на сайте знакомств не заставишь её зарегистрироваться! Наверное, планирует встретить своего суженого, когда мусор будет в тапочках и с дулькой на голове выносить. А я что? Ну не всесильная же! Желания желаниями, но надо и самой постараться, сознательная же.

Стас, боится рыбьей чешуи. Значит, сегодня на повестке ночи желания?

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. А что, непонятно было? Зачем тогда сюда приперся?

Стас, боится рыбьей чешуи. Полегче, дамочка! Я тут понесчастнее всех вас вместе взятых буду. У меня вообще полный разлад между сознательными желаниями и подсознательно сформированными морально-нравственными ориентирами.

Захар, работает на фабрике троллей. Ох, чуваки, наслушаешься вас и хоть плачь. Не понимаю, вы вообще командные игроки или так, лишь бы подгадить? Ну да, иногда сознание и подсознание не в ладах, но надо ж как-то по-человечески решать, помогать друг другу, что ли.

Алена, счастливая мамочка маленького ангелочка. Ой, серьезно? Не собираюсь я её гребаные желания исполнять! Не надо мне этого. Да и ей не надо, если уж на то

пошло. Я ж не сама по себе такая вредная. Нам поспать обеим для начала надо, понимаете? В спа-центр сходить, на море ножки погреть. А она всё заладила: «Второго, второго!» Сумасшедшая баба! И ведь сама ноет, нервы, говорит, сдают. Но нет же: у Наташки уже трое, у Светки двойня, а мы, получается, отстаем. Вот села бы хоть на минуту, подумала: тебе оно, собственно, зачем? Мы в конкурсе каком-то участвуем, что ли? Ты поживи как белый человек хоть с годик. Голову для начала попробуй помыть. Про фитнес-зал я вообще молчу. Но кто ж меня послушает? Все же такие сознательные, сами разберутся, как им лучше. Знаете, что она включает, чтоб поскорее вырубиться? Медитацию на зачатие! Я не шучу. И ладно бы, фиг с ним, её проблемы, но ведь она ж реально отключается за пять минут, а я потом всё это слушаю! Представьте, говорят, одну версию себя с пузом в красном пузыре и другую, без пуза, тоже в красном пузыре. А потом объедините два пузыря в один! Ох, я вам щас напредставляю! Нет, пока не отдохну, никаких больше детей, никаких! Слышите? Что и требовалось доказать! Опять кто-то обделался. Ладно, ребятки, если успею, ещё заскочу к вам сегодня. А пока надо бежать. Учитесь на чужих ошибках – предохраняйтесь!

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Бедняга. Я в первое время тоже намучилась. Засыпала прямо у колыбельки. Как там это по-научному называется?

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. Сей-

смический сон.

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Ага. Ну, у нас хоть полное единение было на этот счет: решили, одним обойдемся. А то как бы без мужика детей особо не поразводишь. Тем более тут особая драма – скорпионья. Ой, я не могу ребят, вот умора! Начиталась она, значит, своих астрологических книжек. Не хочу Скорпиона, говорит, и всё тут. Во-первых, у них характеры у всех сложные. Во-вторых, есть примета: «Если в семье родился Скорпион, то в течение года кто-то из рода умрет». Ох уж я хохотала. Ну, на всякий случай, думаю, уважу – переносим ещё на недельку. Больше – никак. Сами понимаете, не боги мы. Если решил ребенок вылезти – ничто его не остановит, даже всемогущественное подсознание. И вот время поджидает, уже всё, в роддом пора. Она ни в какую – подождать надо, чтобы Стрелец получился. А сил уже никаких нет, ни у неё, ни у меня. Думаю: ну, придется дело брать в свои руки, бдительность усыплять. Вот все говорят мы с вами извращенные, бессознательные, но вы скажите: хоть кому-нибудь пришла бы в голову идея брать билеты на самолет в такой ситуации? Ну совсем с катушек слетела! «Полечу в другой часовой пояс, там уже будет за полночь, наступит следующий день и родится у меня Стрелец». Вот так вот – взяла и управилась с судьбой нерожденного ребенка, молодец! Но это ещё не конец. И прилетели, и родили за полночь. Время записывает, строит натальную карту – а там Скорпи-

он! Скорпион чистой воды! Потому что, балда, на небе нет календаря: ну не успело ещё Солнце перейти в следующий знак. Как она тогда всех проклинала: меня, Вселенную, судьбу. «Просила же, чтоб был Стрелец!» Ну а я-то тут причем? Как я могу исполнить то, что от меня вообще не зависит? Может, мне ещё рак начать дистанционно лечить или мир во всем мире устраивать? И потом, лично я вот ничего не имею против Скорпионов. Мне вообще без разницы, пусть хоть Змееносец, лишь бы здоровый. А ещё говорят – сознание! Ни черта они не сознают, сознательные наши.

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. Вашей сознательной части не помешало бы почитать про эффект Барнума.

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Чего-чего?

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. Эффект Барнума – психологический феномен, который объясняет склонность людей считать точными описания своей личности, составленные специально для них. Хотя на самом деле это максимально обобщенные и расплывчатые формулировки, подходящие любому человеку на планете Земля... Ну вот, опять он это сделал. В мой мозг загружены тысячи гигабайтов совершенно бесполезной информации. Ну вот зачем, зачем тебе обличать астрологов, если ты работаешь менеджером по закупке зерновых культур? Кому ты собрался это рассказывать? Комбайнерам? И ведь он считает, что

складирование этих страничек из википедии в голове делает его лучше других! Один процент! Один процент самых умных людей в мире! Я со стыда стораю каждый раз, когда это слышу.

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. А не Скорпион ли ваш сознательный гражданин? У них у всех мания величия.

Стас, боится рыбьей чешуи. Да не, тут же всё очевидно: изначально он неуверенный в себе человек, о чем разумно свидетельствует подсознательная половина. Но, когда сознание берет вверх, то старается компенсировать эту свою неуверенность высокомерными заявлениями. Как дважды два!

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Похоже, у нас тут появился ещё один гений, который входит в один процент умнейших мира сего.

Стас, боится рыбьей чешуи. Да что ж вы на меня нападаете всё время! Я вот вас вообще-то внимательно слушал.

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. И что услышали?

Стас, боится рыбьей чешуи. Да нормально вы живете в целом, вот что! Не жалуйтесь. Ну подумаешь, сумасбродная у вас сознательная половина. Ничего, жить можно. У меня всё намного драматичней. Двадцать лет он строил бизнес на убийствах! Тяжело строил. Я терпел, терпел. Ну, немножко мигренью отдавал, болячками всякими. И вот чувствую: уже

край, предел. Ну не могу я так больше! А он хочет расширять свои рыбки фермы. По встречам мотается, в разные регионы разъезжает, контракты заключать пытается. Я бы рад помешать, да уже всё перепробовал: и заболею, как только у него решающее совещание с бизнес-партнерами, и время вылета перепутаю, и билеты не на тот рейс возьму, и даже договор с сомнительными подрядчиками несколько раз заключал. Венец моего творения – ихтиофобия. Довел его до того, чтоб от одного вида чешуи воротило. Так ведь в чем загвоздка: чтобы рыб продавать, необязательно на них смотреть.

Захар, работает на фабрике троллей. Чувак, не могу понять, ну и что с того, что он хочет рыбки фермы расширять? Вроде ж вам обоим лучше от этого будет. Бабла больше, жизнь слаще.

Стас, боится рыбьей чешуи. Кому бабла больше, а кому в два, а то и в три или в четыре раза больше угрызений совести. Ну жалко мне этих рыбешек, понимаете? В детстве на рыбалку с дедом ходили – так и там рыбок обратно в озеро выпускал. Он наловит целую кучу, а я, пока никто не видит, подойду, опрокину ведро: «Свободны, ребята!» – и так хорошо сразу на душе становится, тепло. Я миролюбивый вообще-то. Не могу жить с этим чувством вины. Ни есть их не могу, ни в глаза им смотреть. Посмотришь, и вот прям чувствуешь их страдания: «За что, Стас?», «А мы тебе верили, Стас», «Ну и козлина же ты, Стас! Проклинаем тебя на веки вечные». Какое там расширение бизнеса. Нет, не хочет по-

хорошему сворачиваться, я ему ещё какую-нибудь болячку сбациаю, чтобы не повадно было.

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Серьезно? Чувство вины перед рыбами? А надо мной смеялись из-за астрологии...

Стас, боится рыбьей чешуи. Не надо иронизировать над моими чувствами!

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. Знаете, я вас отлично понимаю. Это всегда так, когда ваша сознательная часть не спрашивает, чего вам нам самом деле хочется. У меня, конечно, немного другая ситуация. Хочет он выйти на доход пол-ляма в месяц. Считает, что заслуживает. А я ни в какую. Сто тысяч, ну сто пятьдесят максимум – и потолок, баста. Вытрепываться потому что не надо! «Самый умный, самый умный!» – с такими заявлениями быстро можно в лужу сесть. И вообще вот с детства же учили: «Не задавайся», «Ты не лучше других», «Не прыгай выше головы». Правильно это, не правильно ли, а мне так спокойнее. Чем выше, тем больше падать. Так что планочку надо припустить.

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. А можно уже я выскажусь? Вы извините, что перебиваю, но вот прям чую – скоро вытащит она меня отсюда. Видите кулаки сжимаются? Это она напрягается. Не нравится ей, что потеряла контроль, боится, как бы не случилось что. Сейчас ещё челюсти сдавливать начнет.

Захар, работает на фабрике троллей. Блин, ну ты даешь. Точнее, она. Может, есть какой-то способ её расслабить всё-таки?

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. Да чего уже только не перепробовали! Видите ли, я ведь тоже тот ещё параноик. Ноги-то из меня растут. Так что мы обе хороши. А так вообще девчонка надежды подаёт. Работает круглыми сутками. Нам мы бы в наши двадцать пять тусоваться да по клубам ходить, но у неё большие планы. Даже с мужиком своим разошлась. Ну, чтоб не мешал. Я её тогда поддержала. А потом как началось это выгорание, синдром отличницы вскрылся, синдром самозванца туда же, тревожность начала расти. Теперь вот перед выходом из дома всё фотографируем, чтоб случайно плиту не оставить включенной. Да ручку двери дергаем минимум пять раз, а лучше семь. Перед сном обязательно три раза в туалет сбежать – это тоже важный ритуал.

Стас, боится рыбьей чешуи. Так может вам того, сбавить обороты?

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. Да не получается никак. Вы меня извините, Стас, но без труда, как говорится, рыбку из пруда не вытащишь. Работать надо, пока силы есть. Сбавишь обороты – расслабишься. Расслабишься – не видать нам домика у моря. Хочет она просыпаться под шум волн, на веранде кофе пить по утрам, на закате гулять по побережью. Жаль, что всё так тяжело да-

ется. Я море тоже люблю. Совпадают наши желания.

Захар, работает на фабрике троллей. Ну дак в чем тогда проблема?

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. Да боимся всё спалить нахрен, в домике этом. Я ведь с семи лет по ночам пожары наблюдаю. А она проснется в панике, давай из окна выглядывать, проверять, не горит ли чего. Неуправляемая эта стихия – вот в чем загвоздка. Её не проконтролируешь, не предугадаешь, под расписание не подстроишь. Так что, даже если и денег накопим, переезд пока слабо маячит на горизонте. Я-то всё понимаю, а до неё не доходит. Вот и пытается побороть свои страхи гиперответственностью да гипертревожностью. Вечно же кажется: сейчас понервничаю, зато потом расстраиваться не придется. Получается не очень. Может, посоветуете чего-нибудь, а?

Алена, счастливая мамочка маленького ангелочка. Посоветуем спать получше, пока детей не родила. Не обольщайтесь, ребят, я ненадолго. Хорошо, если с часик удастся покемарить.

Эля, тренирует силу намерения с шести лет. Не знаю, как насчет «спалить», и что там у вас за странные установки насчет рыбок из пруда – по мне тут больше от удачи зависит... Но я так скажу: лучше уж жить себе припеваючи в стандартной городской квартирке. Главное спать нормально и без вот этих вот ваших ОКР да ГТР. Моя тоже как заведенная повторяет: «Хочу в большом городе жить, хочу в боль-

шом городе жить!» Хорошо, что её силы намерения хватают пока только на всякую мелочевку. Ну, знаете, чтоб машина из лужи окатила, когда ты в пальто новом идешь или зарплату на тыщу-другую подняли. А ну как натренирует меня? Придется же переезжать. Она и билеты периодически поглядывает, для успокоения, и деньги откладывает. Меня забыть спросила. Хочется мне куда-то ехать, расставаться со своей квартиркой, кроваткой? Ага, разбежалась. Я, может, хочу до пенсии жить в своей однушке и чтоб без лишних заморочек.

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. Это называется зоной комфорта. Вы из неё просто не хотите выходить.

Алена, счастливая мамочка маленького ангелочка. Так, ребятки, а вы введите-ка меня в курс дела. Что я пропустила, пока моя сознательная половина в очередной раз выполняла свой гребаный материнский долг?

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Ой, да ничего такого в принципе. Моя, как всегда, требует невыполнимого. У Виктора установка не прыгать выше головы. Аню научили, что хорошая жизнь дается большим трудом и надо контролировать всё, включая огонь. А этот вот разводит рыб на продажу, терзается чувством вины и думает, что они его ненавидят.

Стас, боится рыбьей чешуи. Не «этот вот», а Стас! И чего вы на меня взъелись-то?! Захарка, а у тебя что? Выкладывай.

Захар, работает на фабрике троллей. Ой, да у меня вообще всё по кайфу, чувак. У нас полное доверие, я иногда и днем могу включиться. Сидит он, придумывает комментарии. Всё одно да потому, одно да потому. А надо ж разными словами, чтоб типа как разные люди пишут. Ну я и подключаюсь. Такого могу наворотить, аж у самого волосы дыбом!

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. И что же, вас не смущает, что вы занимаетесь аморальной пропагандой? Манипулируете общественным мнением, сбиваете людей с толку?

Захар, работает на фабрике троллей. Тебя послушай, так вообще нигде не работай. А мы договорились. Уговор у нас такой. Хочет он на тачку заработать, ремонт отгрохать. Вот и трудимся от зари до зари. По шестьсот комментариев за смену, между прочим. А я что? Я тоже хочу в нормальных условиях жить, ниче страшного не вижу. Платят-то норм. Годик-другой отпахаем и готово. А если очень повезет, то и в спичрайтеров запишемся или будем телеграм-канал у какой-нибудь шишки вести. Без меня он, конечно, вряд ли справится, так что буду подключаться к работе. Ох уж я тогда оторвусь!

Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из дома. Вы смотрите, как бы потом в ОКР или ГТР не вылилось.

Захар, работает на фабрике троллей. Да не, я уж всё для себя решил, обдумал, так сказать. Непыльная работка.

Жилищные условия улучшим, личным транспортом обзаведемся, а там, глядишь, и чувством вины можно будет потеряться. Но несильно – а то и до греха недалеко.

Стас, боится рыбьей чешуи. Да уж, нам бы у вас всем поучиться такой слаженности.

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Господи, сейчас опять начнет со своими рыбами. А вы, Захар, простите, кто по гороскопу? Не земной стихии знак случаем?

Стас, боится рыбьей чешуи. То есть моя морально-нравственная дилемма – это так, фигня, а ваши гороскопы, значит, заслуживают внимания?! Я б с вашим уровнем внушаемости был поосторожнее, дамочка! А ну как вычитаете, что мы все живем внутри огромной скользкой рыбы!

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Боги, да вы кого угодно с ума сведете! Вас не только рыбы, вас уже люди ненавидеть начинают. Хватит превращать наше бессознательное собрание в фарс!

Стас, боится рыбьей чешуи. Ну а вы-то, вы-то кто по гороскопу? Ну-ка? Можете не говорить – мне и так всё понятно!

Захар, работает на фабрике троллей. Я Телец, если че.

Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не рожать Скорпиона. Ну, допустим, Рыбы. И что дальше?

Стас, боится рыбьей чешуи. Так вот об этом я и гово-

рил! Рыбы меня ненавидят!!!

**Лена, уехала в другой часовой пояс, чтобы не ро-
жать Скорпиона.** Ах, вы прямо как моя сознательная Ле-
ночка: напридумываете себе всякого, а потом перекладываете с больной головы на здоровую.

Витя, входит в 1 % самых умных людей в мире. Но
выше головы не прыгнуть.

**Анна, фотографирует утюг перед тем, как выйти из
дома.** А если хочешь прыгнуть – надо пахать до усрачки.

Эля, тренирует силу намерения с шести лет. А если
не хочешь прыгать – оставляй всё как есть.

Алена, счастливая мамочка маленького ангелочка.
И не забывай поспать.

Захар, работает на фабрике троллей. Ну, а с чувством
вины всегда успеется...

*

Что, если твоя голова и есть пятое колесо в телеге?

История четвёртая. Семь «после»

Судьба Виталию послала
второй и даже третий шанс
но он по-прежнему пьет кофе
а вдруг всё как-нибудь само?

Это был самый обычный день, в который самые обычные люди собрались по самому что ни на есть обычнейшему поводу, чтобы после вдруг начали происходить вещи совершенно удивительные и невообразимые.

Прошел ровно год с того момента, как Михаил Петрович, никого не предупреждая и совсем не задумываясь о будущем, решил проскочить на красный и скоростно скончаться в реанимационном отделении первой городской больницы. И, хотя Михаил Петрович был солидным бизнесменом, задумывался о четвертом браке и даже занимался благотворительностью, за все годы жизни он так и не обзавёлся большим кругом близких, сочувствующих ему людей.

Семь человек. Да, ровно семь человек собралось через год после трагедии, чтобы почтить память усопшего.

Надо сказать, если бы герои этой истории имели хоть какой-нибудь маломальский опыт попадания в необычные и загадочные ситуации, они бы сразу отметили первую странность этого мероприятия: приглашения на поминальную

трапезу были написаны лично Михаилом Петровичем. Во всяком случае, именно такой вывод напрашивался по прочтении текста:

Приглашаю на поминальный обед. Встреча состоится в моем старом загородном особняке. Теперь он принадлежит благотворительной организации. Приходите к 15:00. Михаил Петрович.

Да и кто вообще рассылает приглашения на поминки? Да ещё бумажные, в век электронных технологий? Простим героям их неопытность и предположим, что Михаил Петрович заранее позаботился о предстоящих хлопотах – бизнесмен же он всё-таки.

– Стол накрыт на семь персон. Значит, ждем ещё одного человека, – Анна Захаровна кашлянула, всем своим видом демонстрируя, что не планирует садиться, пока не будут соблюдены все условности. Из присутствующих она единственная состояла в родственных отношениях с покойным и приходилась ему двоюродной сестрой. Ну, если, конечно, не считать Катрин – первую жену Михаила Петровича.

Дама в красном пальто, стоявшая в углу комнаты, смерила собравшихся скептическим взглядом:

– Интересно, а кто вообще накрыл этот стол? Меня не встретили на входе. Разве у поминок нет организаторов? Кто-то же разослал эти приглашения, – дама явно хотела добавить что-то ещё, но в этот момент дверь в столовую отворилась, и в комнату прошел седьмой гость.

Все ахнули – уж больно шошедший смахивал на покойного. Но не делайте поспешных выводов: это был всего-навсего Николай, старший брат Михаила Петровича. Похоже, он и сам не очень-то понимал, как здесь оказался:

– Двадцать лет не общались, на похоронах не был, и вот, пожалуйста. Вы мне объясните, кто это вообще всё устроил? Ты? – он исподлобья посмотрел на Анну Захаровну.

Поперхнувшись от возмущения (уж если бы она проводила поминки, то явно организовала бы всё на высшем уровне), Анна Захаровна сухо отчеканила:

– А ты, Николай, совсем не изменился. Я здесь такой же гость, как и все.

– Ну теперь-то мы можем, наконец, садиться? – мужчина, который до этого стоял, облокотившись на каминную полку, решительно прошел к столу. – Костя – партнер и приятель Миши, – коротко представился он, отодвигая стул.

Дама в красном пальто, будто только что осознав, что находится в помещении, поспешила оставить верхнюю одежду на внушительных размеров кожаном кресле, обнажив красный же пиджак и серые брюки.

Да, Михаил Петрович всегда жил на широкую ногу, поэтому стол был накрыт отменно и, скорее, напоминал ужин в фешенебельном ресторане. Надо отдать ему должное. Остался один вопрос: кто все эти люди?

– Вы меня простите, но кем вы приходитесь Михаилу? – тихо поинтересовалась Катрин, обращаясь к улыбчивой де-

вушке, сидевшей напротив. Из всех она была самой юной, чем вызывала неподдельный интерес собравшихся.

– Уж не будущей ли четвертой женой? – усмехнулась дама в красном, насадив на вилку жирный кусок слабосоленого лосося.

Нет, Маша (так звали девушку) всего лишь работала в кофейне напротив дома, где жил Михаил Петрович. Он всегда был одним из первых клиентов, приходил за своим двойным эспрессо, когда на часах не было и семи, болтал с ней о литературе и всерьез утверждал, что, не будь в мире книг Рэя Брэдбери, он бы давно наложил на себя руки.

Катрин вздохнула:

– Да, помнится, он даже пытался приготовить вино из одуванчиков в первый год нашей совместной жизни. Отвратительная вышла штука. Но книга всё равно замечательная, – тут же негромко добавила она, не желая задеть чьи-нибудь чувства.

– А тебя не удивляет, что из всех жен нашего Миши, пригласили только тебя одну, первую, но не последнюю? – поинтересовалась Анна Захаровна с медовой улыбкой. Она не стала добавлять, что из всех этих жен синеглазая и тихая Катрин всегда нравилась ей меньше всех.

– Ну так она ж номер один! – сделал слабую попытку пошутить Денис, муж Анны Захаровны. Была у него одна раздражающая всех интеллигентных людей особенность, именуемая «сам пошутил – сам посмеялся».

Оценить шутку не успели – дверь скрипнула и на пороге появился неизвестный.

*

– Приветствую всех собравшихся! – в отличие от гостей за столом, мужчина явно не был смущен и точно понимал, что происходит. – Давайте я введу вас в курс дела.

В такие моменты в фильмах обычно появляются юристы и нотариусы в дорогих костюмах, распечатывают тайное завещание и создают всеобщий переполох. Вот только завещание Михаила Петровича уже давным-давно распечатали и выяснили, что большая часть его состояния перешла в руки благотворительных организаций. Что и говорить – золотой человек!

– Дела обстоят следующим образом: ровно год назад не стало Михаила Петровича, – мужчина молча окинул взглядом присутствующих, будто сомневаясь, все ли в курсе произошедшего. – Каждый из вас был в той или иной мере близок этому человеку. Не спрашивайте меня почему, но он хотел, чтобы именно вы сегодня собрались в этой комнате.

– Простите, а вы были другом Михаила? Вы организатор этого обеда? – первая жена Михаила Петровича, хоть и была скромной женщиной, но очень нервничала в присутствии таинственных незнакомцев.

– Дорогая Катрин, вам ни к чему извиняться каждый раз, когда вы открываете рот, – отрезал мужчина в костюме, давая понять, что прерывать его – совершенно лишняя

и неблагодарная затея. – Так вот, покойный пожелал, чтобы вы непременно встретились сегодня. Если хотите, я его друг, товарищ, наставник, посмертный распорядитель.

Константин небрежно хмыкнул. В его представлении наставник Михаила Петровича уж точно не стал бы тратить время на горстку сомнительных персон, включающих баришту и брата-выпивоху.

– Ваш скепсис не вполне обоснован, уважаемый Константин Григорьевич. Мне доподлинно известно, что вы не любите тратить время попусту и приехали сюда исключительно из уважения к своему бывшему коллеге и приятелю. Если не хотите нарушать его последнюю волю, вам придется здесь задержаться.

Тут неизвестный обошел вокруг стола и, встав так, чтобы все хорошо его видели, задвинул уж совсем бессвязную, не имеющую к ситуации совершенно никакого отношения, речь:

– Как часто мы жалеем о допущенных ошибках. Мы можем закрывать на них глаза, смиряться, убеждать себя, что всё было к лучшему и даже со временем начать верить в это. Но, сталкиваясь со смертью – близкого или даже случайного знакомого – мы вновь задумываемся об упущенных возможностях, невыполненных обещаниях и неверных решениях. Зря вы встаете, – осадил посмертный распорядитель Николая, который сдержанно, но решительно засобирался на выход. – Сядьте и дослушайте до конца.

Гости потихоньку начинали терять терпение, но было в этом мужчине нечто гипнотическое и завораживающее – так что взбаламутившийся было Николай покорно сел на своё место. Наставник усопшего тем временем продолжал:

– Михаил Петрович, кто бы что ни говорил, был достойным человеком. Нас связывает много лет общения и дружбы. Именно поэтому я сегодня здесь – чтобы выполнить его просьбу.

А теперь представьте себя на месте наших героев: вы приезжаете на поминки знакомого, друга, старого приятеля, да черт с ним – даже родственника. Вы получили странноватого вида приглашение, оказались в пустом особняке и не вполне понимаете, что происходит. И тут появившийся из ниоткуда мужчина в костюме говорит:

– Вам дан уникальный шанс заглянуть в альтернативную реальность. Правила простые: каждый из вас может изменить одно и только одно решение в своей жизни. Вы можете совершить или не совершить какой-то поступок, сказать кому-то важные слова, отвести душу. Вмешиваться в чужие судьбы запрещено. Нельзя спасти друга от смерти или заставить мужа вернуться в семью. Это лишь ваш личный выбор. Вы выбираете – я показываю, как изменилась ваша жизнь в связи с этим выбором. И, если вас всё устраивает, мы расходимся. Если нет – у вас всегда есть шанс вернуться к своей прежней, привычной жизни.

Воцарившееся молчание было вполне логичным ответом

на прозвучавшее предложение. Нет, ну серьезно, а как бы вы повели себя в этой ситуации?

Через минуту последовала реакция в лице Константина, Николая и дамы в красном пиджаке: не сговариваясь, они одновременно поднялись из-за стола и недружелюбно посмотрели на слетевшего с катушек незнакомца.

– Что за цирк?

– Вы совсем ополоумели?

– Это уже слишком!

Их возмущение можно понять, согласитесь. Если ты никогда в жизни не сталкивался с чудесами или гипнотического вида мужчинами в темных дорогих костюмах, то, увидев их впервые, наверняка подумаешь, что это чья-то неудачная шутка или шоу из разряда «вас снимает скрытая камера». Но камеры здесь не было – только семь человек. Растерянных и не понимающих, смеяться им или вызывать психиатров.

– С вами или без вас, мы всё равно это сделаем. Только перед тем, как уходить, ещё раз подумайте, не пополнит ли это решение коллекцию тех неудачных выборов, о которых вы жалеете. И, если есть хоть малейшее сомнение, оставайтесь. Вы ничего не теряете, – продолжал неизвестный. – Помните, что Михаил Петрович хотел, чтобы именно вам была предоставлена такая возможность.

Ждать, пока гости разберутся в своих чувствах, мужчина явно не планировал, поэтому сразу же обратился к человеку, сидевшему ближе всех:

– Начнем с вас, Денис Юрьевич. Анна Захаровна наверняка хотела бы, чтобы начали с неё, – он кинул беглый взгляд в сторону ерзавшей на стуле женщины, – но давайте дадим вашей жене время подумать. Вы соображаете быстрее, и я вижу, что в ваших глазах уже промелькнула мысль.

Слова Дениса Юрьевича поразили всех не меньше, чем предложение мужчины в темном костюме. Он вспомнил, как в шесть лет нашел родительскую заначку с шоколадными конфетами. Сладкий миг блаженства обернулся анафилактическим шоком – арахисовые батончики «Сникерс» сделали своё коварное дело. С тех пор Денис Юрьевич даже смотреть не мог в сторону шоколадных конфет и прочих сладостей, а родители при каждом удобном случае тащили его к врачу. Даже кота не дали завести, опасаясь, что и он может стать катализатором аллергии. А Денис тогда очень сильно хотел кота.

– Нет, серьезно? Из всех неудачных решений в своей жизни ты выбрал то, из-за которого теперь не можешь объедаться шоколадками? А ничего поинтереснее не нашлось?! – обычно сдержанная Анна Захаровна даже задыхалась от возмущения. Может, стоило «отменить» аварию, после которой они три года выплачивали кредиты? Или покупку квартиры, которую затопило через полгода?!

– Я очень любил шоколад. И очень хотел кота, – настаивал Денис. Потом, подмигивая и кивая в сторону незнакомца-экстрасенса, добавил: «Ребят, ну вы серьезно?» Очевид-

но, что относиться серьезно к этой ситуации было глупо.

– То, что для одних – незначительная мелочь, для других – необходимая составляющая счастья, – многозначительно изрек темный костюм.

– У Брэдбери есть похожая мысль: «Что для одного – ненужный хлам, для другого – недоступная роскошь», – вторила девушка из кофейни.

– Да. А потому я принимаю ваш ответ, сколь бы непродуманным он ни был. Давайте отойдем в сторону и поговорим, – и незнакомец жестом пригласил Дениса Юрьевича подойти к камину.

И тут случилось нечто ещё более странное, чем все события, случившиеся за последние полтора часа: подойдя к камину и заглянув в пляшущие языки пламени, Денис Юрьевич увидел в них себя. Вот он – шестилетний мальчик, разворачивающий хрустящую обертку карамельного воздушного риса в шоколадной глазури. Треклятый «Сникерс» тоже поджидает рядышком, в мешочке с остальными сладостями.

Что ж, теперь Денис знал, что делать. Проявив невиданной силы самообладание, шестилетний мальчуган завернул своё сокровище и положил его обратно в целлофановый пакет. Понятно, что аллергия выявилась только на арахис, но лучше, от греха подальше, вообще ничего не есть в отсутствии родителей.

Вторая странность не заставила себя ждать: будучи, одновременно, и мальчишкой в камине, и уставившимся на огонь

36-летним весельчаком, он почувствовал, как его «перепрошивают». Наверное, так себя чувствует компьютер, на который устанавливают новые драйвера и обновляют систему. Если, конечно, допустить, что компьютер вообще может что-то чувствовать. Перезагрузившись, Денис оторвал взгляд от пламени: «А где кот?» – первое, что он спросил.

– Видите ли, Денис Юрьевич, ваша мать немного лукавила. Она не стала заводить кота не только из опасения, что это потенциальный аллерген. Вдобавок к этому ей просто не хотелось оттирать шерсть с дивана и собственной одежды.

А ещё незнакомец пояснил, что решение Дениса Юрьевича было слишком незначительным, чтобы ощутимо изменить нынешнюю реальность: поэтому они по-прежнему стоят у камина, в той же самой комнате, и визуально кажется, что ничего не изменилось. Однако... Вскинув указательный палец, он достал из внутреннего кармана пиджака маленький батончик «Баунти» и протянул его Денису Юрьевичу. Тот недоверчиво посмотрел на шоколадку – обычно при виде сладкого у него срабатывал рвотный рефлекс. Но в этот раз ничего подобного не случилось.

– Я сегодня же заведу кота, – коротко сообщил Денис, возвращаясь к столу и усаживаясь на свое место.

– И это всё? – в голосе Анны Захаровны звучало разочарование.

– Я смог съесть «Баунти» и меня не вывернуло наизнанку!

– Похоже, заказчик доволен, – резюмировал наставник

Михаила Петровича. – Не волнуйтесь, Анна Захаровна, и до вас дойдет очередь.

– Да это же ничего не доказывает! Ну подумаешь, съел он шоколадку. Это наверняка была банальная психосоматика. Может, вы его просто загипнотизировали и внушили мысль, что теперь он может есть сладкое, – дама, чье красное пальто осталось лежать на кожаном кресле, одернула свой красный пиджак и с вызовом посмотрела на потенциального гипнотизера.

– Вы можете обозвать меня и мою работу как угодно, но результат от этого не меняется, – отрезал гражданин в костюме и тут же повернулся в другую сторону. Поймав его взгляд, девушка из кофейни опустила глаза.

– Мария, только не говорите, что хотите стереть себе память, чтобы заново прочитать «Вино из одуванчиков». Второго шанса изменить жизнь вам не предоставится. Вы готовы говорить?

Да, ещё как! Когда Маше едва исполнилось восемь, родители впервые привели её в театр. Это было сказочно красиво: начиная от сверкающих люстр, переливающихся под потолком, и заканчивая воздушным платьем юной Абилин, напеминающим многоуровневый кремовый торт. Наблюдая за перипетиями судьбы фарфорового кролика Эдварда, девочка успела несколько раз всплакнуть, зарыдать в голос, выругаться так, как ругались взрослые (за что получила по шее от мамы) и к концу спектакля точно определиться: она обя-

зательно станет актрисой!

А потом случилось непоправимое: она предала свою мечту, когда была в шаге от неё:

– Я просто испугалась. Даже горло свело судорогой. В глазах потемнело. Наверное, члены приемной комиссии часто такое видят, но для меня это было невыносимым позором. Больше я туда не вернулась.

С мечтой о театральном училище было покончено.

– И что же, ты всю жизнь будешь делать таким паршивцам, как мой брат, кофе? – вдруг подал голос Николай. – Девочка, сколько тебе лет? Двадцать, двадцать два? Ты слишком рано решила себя похоронить. Для этого впереди целая жизнь.

В жизни самого Николая было столько ошибок и неправильных выборов, что, будь сейчас его очередь, мы бы выслушали исповедь длиною в добрых два часа. Но очередь Николая ещё не подошла.

Незнакомец, по совместительству гипнотизер, колдун и духовный наставник покойного Михаила Петровича, сообщил, что теперь сеансы будут проходить в формате тет-а-тет. Он будет принимать гостей в соседней комнате – кабинете.

Мария удалилась вместе с ним, а Анна Захаровна наконец-то выдохнула. Ей очень не хотелось говорить о своих ошибках прилюдно. Главным образом потому, что рядом сидел её муж, уже присматривающий подходящего кота на доске объявлений в телефоне. Ей не хотелось признавать, что

она сомневается, насколько правильным было решение выйти за него замуж.

Нет, Анна Захаровна, конечно, любила Дениса. Семь лет назад, откусывая солидный кусок от каравая, она и подумать не могла, что теперь все решения в их семье будет принимать только она одна. Если уж на то пошло, поиски кота в интернете – первое дело, с которым её муж успешно справлялся самостоятельно. Но чистить кошачий сортир и вычесывать шерсть всё равно придется ей. Собственно, поэтому они и не заводили ребенка – с двумя детьми, один из которых постоянно теряет банковские карточки и попадает в аварии, Анна Захаровна бы точно не справилась.

Она была моложе, умнее, красивее. Она могла бы выбрать любого из своих перспективных поклонников (а их было немало) и жить счастливой беспечной жизнью домохозяйки. Но выбрала доброго весельчака Дениса. Нет, она не жаловалась. Просто хотела знать: вдруг всё могло быть лучше?

Соврав, что ей нужно в туалет, Анна Захаровна вышла в коридор и осталась подождать своей очереди у кабинета. Когда-то в этой комнате её двоюродный брат проводил онлайн-совещания, отчитывал подчиненных и расслаблялся с книгой, лежа на диване.

Через пару минут в дверях появилась сияющая девушка из кофейни. Её вид очень воодушевил Анну Захаровну и почти убедил в правильности принятого решения:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.